

Сушкова Ирина Михайловна

ЗНАЧЕНИЕ ОТТОРЖИМОЙ/НЕОТТОРЖИМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СФЕРЕ ПОСЕССИВНОСТИ

Статья посвящена рассмотрению понятия неотторжимой принадлежности как универсальной категории, выражающейся в системе семантических оппозиций, свойственных отношениям посессора и объекта посессивности. Проанализирована степень неотторжимости наиболее частотных комбинаций посессоров и объектов посессивности, выделяемых по признакам одушевлённости/предметности, конкретности/ абстрактности. Определены основные типы объектов принадлежности с точки зрения их парадигматической связанности с посессором. Затронут вопрос о дифференциации языкового выражения категории неотторжимости в разных языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/45.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 2. С. 156-159. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

DENOTATIONS OF SALT-MARSHES IN THE LANGUAGE OF THE BARGA OF NORTHEAST CHINA

Sundueva Ekaterina Vladimirovna, Doctor in Philology, Associate Professor

*Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude
sundueva@mail.ru*

The article is devoted to the orographic terms with the meaning 'salt-marsh', represented in the toponymy of the Barga living in the urban district of Hulunbuir of the Inner Mongolia Autonomous Region of the PRC. Among the considered terms with the meaning 'salt-marsh', the nomination of five of them is based on visual perception of the geographical reality, two – on the taste perception, and one term is borrowed from the Chinese language.

Key words and phrases: Mongolic languages; oronym; salt-marsh; meaning; nomination; cognition.

УДК 81'367.5

Статья посвящена рассмотрению понятия неотторжимой принадлежности как универсальной категории, выражающейся в системе семантических оппозиций, свойственных отношениям possessора и объекта possessивности. Проанализирована степень неотторжимости наиболее частотных комбинаций possessоров и объектов possessивности, выделяемых по признакам одушевлённости/предметности, конкретности/абстрактности. Определены основные типы объектов принадлежности с точки зрения их парадигматической связанности с possessором. Затронут вопрос о дифференциации языкового выражения категории неотторжимости в разных языках.

Ключевые слова и фразы: possessивность; неотторжимая принадлежность; possessор; объект possessивности; парциальное целое; личная сфера.

Сушкова Ирина Михайловна, к. филол. н.

*Воронежский государственный университет
abyrvalgon@mail.ru*

ЗНАЧЕНИЕ ОТТОРЖИМОЙ/НЕОТТОРЖИМОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КАК СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В СФЕРЕ ПОСЕССИВНОСТИ

Все языки располагают различными формальными средствами выражения семантики possessивности (принадлежности и обладания): флексии, артикли, суффиксы, частицы, синтаксические конструкции, порядок слов и др. Разумеется, не во всех языках определённые категориальные признаки формально выражены. В связи с проблемой противопоставления possessивных значений выделяют, в частности, следующие оппозиции: свой/чужой; включённый/невключённый в сферу коммуникантов и в сферу possessивности; отторжимый/неотторжимый; внутренняя/внешняя possessивность и др.

Наряду с термином «неотторжимая/отторжимая принадлежность» в литературе вопроса встречается термин «неотчуждаемая/отчуждаемая принадлежность». Мы, вслед за М. А. Журиной, используем термин «неотторжимая принадлежность» как наиболее обобщённый и нейтральный.

Значение неотторжимой принадлежности (парадигматической связанности possessора и объекта), проявляющееся в разных языках и в разных типах средств выражения possessивности, привлекает пристальное внимание исследователей. Традиционно неотторжимая принадлежность рассматривается как грамматикализирующаяся внутри категории possessивности универсальная глубинная категория, которую иногда называют семантической, иногда – грамматической [2, с. 195].

Понятие неотторжимости применимо в тех случаях, когда речь идёт о денотатах, представляющих парциальное целое или его части. Сюда относятся не только чисто физически членимые на части объекты, но и объекты, представляемые как часть или целое метафорически. Иначе говоря, основу этого понятия составляет партитивное отношение, но благодаря метафорическим переносам сфера неотторжимости проявляет тенденцию к расширению.

В связи с рассмотрением значения неотторжимости особого внимания заслуживает понятие **парциального целого**. Одним из первых описал отношение «часть – целое» Э. Сепир. Он наметил иерархичность данного отношения (*столы и стулья – часть мебели; ножка – часть стола* и т.д.), а также глубокое различие между «механическим» и «биологическим» соединением частей (противопоставление по одушевлённости/неодушевлённости), функциональный критерий разделения [9]. Здесь необходимо учитывать, может ли possessор существовать или нормально функционировать при отторжении от него части. Так, для названий животных и людей отсутствие или дефект части тела существенны и отражаются на способе именования объекта. Все прилагательные соответствующего значения легко субстантивируются: *слепой, безногий, горбатый* (здесь и далее примеры составлены автором статьи. – И. С.). Человек перестаёт существовать без головы и сердца, поэтому значение слов *бессердечный* и *безголовый* метафорично. Отсутствие таких частей тела, как волосы и зубы, не влечёт фатальных последствий (ср.: *лысый, беззубый*).

М. А. Журиная намечает следующую градацию possessивных отношений по признаку отторжимости/неотторжимости: 1) отношение «часть – целое» нерасторжимо, лишено значения собственно обладания;

2) отношение «человек – человек» может мыслиться нерасторжимым или не мыслиться таковым: *начальник – подчинённый, мать – дочь*; 3) отношение двух предметов или человека и предмета, не входящего в его личную сферу, расторжимо; в первом случае возникает значение пространственной сопряженности: *бережье океана*, во втором – собственно обладания: *портфель отца* [3, с. 306-307].

А. В. Головачёва предлагает классификацию отношений между посессором и объектом посессивности по степени неотторжимости, взяв за точку отсчёта семантические признаки посессора (одушевлённый, предметный, абстрактный посессор) [4, с. 44-45]. Основываясь на данном подходе, рассмотрим основные комбинации посессоров и объектов посессивности.

При одушевлённом посессоре и неотторжимом объекте принадлежности речь идёт об отношениях, свойственных, в первую очередь, лицу. Эти отношения расцениваются как присущие человеку вообще, осознаваемому как некий концепт, абстрактная сущность. Среди них можно выделить следующие типы отношений.

1. Отношение между человеком и его физическими составляющими (частями тела и внутренними органами).

2. Отношение между человеком и ближайшими к нему абстрактными сущностями (душа, разум, сознание; психические константы: мысли, чувства, убеждения, настроение; константы, относящиеся к физиологии: голос, походка, зрение; константы, связанные с интеллектуальной деятельностью: речь, почерк; физические константы: размеры, вес, внешний вид; временные константы: жизнь, молодость, старость, возраст; неотчуждаемые социальные константы: имя, происхождение, профессия; социальные константы, объединяющие людей в этнические и социальные группы: религия, язык, традиции и т.д.).

3. Отношение человека к неодушевлённым предметам:

а) отношение к одежде, которая может трактоваться по-разному: как абстрактная сущность (в этом случае она рассматривается как неотчуждаемая принадлежность по функции), как продолжение «тела», неотчуждаемая его часть, что проявляется в динамике: *держат кого-либо за пуговицу*; как предмет собственности, т.е. отчуждаемый объект;

б) отношение к локусу обитания, который может (в случае индивидуальной принадлежности) рассматриваться как локус и как собственность. Локус-жилище как абстрактная константа осознаётся как объект неотчуждаемой принадлежности. Язык дифференцирует понятие локуса для единичных и множественных посессоров. Так, наименования различных территориальных единиц обычно соотносятся с множественным посессором. В сочетаниях с единичным посессором (*моя страна*) притяжательное местоимение приобретает дополнительную актуализацию, подчеркивающую наличие не только территориальной, но и некоторой функциональной связи с посессором;

в) отношение к предметам, ближайшим к человеку (домашняя утварь, документы, необходимые предметы личного обихода).

4. Родственные, профессиональные и некоторые другие отношения между людьми. Характер таких отношений определяется релятивной семантикой имени объекта принадлежности: сочетания *его мать, сын, сотрудник* обозначают некоторое лицо (объект посессивности) через его отношение к посессору. Отношения между людьми могут осознаваться и как отношения собственности, нашедшие своё отражение в семантике глаголов типа *обладать, принадлежать, отдаваться* и т.п.: *Пишу тебе уже не из моей темницы на Литейной, а из кабинета моего дорогого Антоши. Я принадлежу ему с 30 октября. Наша свадьба совершилась... без торжеств, утром* (Юрий Безелянский. В садах любви. 1993) [5]. Подробнее об этом см. в нашей работе [7, с. 158].

С точки зрения предикации включения различается два вида неотторжимой принадлежности: **абсолютная и относительная**.

К **абсолютно неотторжимым объектам** одушевлённого посессора (лица) относятся части тела (кроме отрастающих частей), абстрактные сущности (*душа, совесть, разум* и т.п.), одежда, жилище, предметы личного обихода (вне их конкретного воплощения), некоторые территориальные единицы наиболее общего характера. Отношения абсолютной неотторжимости осознаются как обязательные для любого конкретного посессора, чем объясняется невозможность построения предикативных конструкций с именами абсолютно неотторжимых объектов: **У него есть глаза; *Он носит одежду*. Также абсолютно неотторжимо связаны с человеком его кровные родственники (ср. **его бывшая дочь*).

По-видимому, в языковом сознании существует некий эталон (концепт) человека, животного, обладающий набором абсолютно неотторжимых элементов. Любой человек предполагается априорно соответствующим этому эталону. Информативным может быть лишь сообщение об отсутствии некоторого элемента у данного конкретного посессора и о признаке, характерном для данного объекта, ср.: **У Петра есть правая рука / У Петра нет правой руки, он потерял её на войне; *У Маши есть ресницы / У Маши длинные ресницы*.

К **относительно неотторжимым объектам** принадлежности относятся отрастающие части тела (*усы, борода*), лица, социально связанные с человеком (*друзья, враги, соседи, коллеги, поклонники*), одежда, жилище, предметы личного обихода (в более узком понимании, но далеком от детализации), дом, а также населённые пункты (*село, город* – в отличие от *страна, государство*, ср.: *Он живет в городе, но *Он живет в стране*).

С отношениями посессора-лица и объектов неотторжимой принадлежности соотносится понятие **личной сферы**, введенное Ш. Балли. Личная сфера понимается как совокупность не только частей тела, но и предметов и существ, связанных с личностью так, что эта связь может осмысливаться как постоянная и тесная [8, р. 68].

В личной сфере выделяется градация степени связи её центра с различными фрагментами по критерию субъективности/объективности. Так, части тела неотторжимы объективно, хотя эта неотторжимость может быть абсолютной и относительной. Предметы неотторжимы более или менее субъективно (с точки зрения

как посессора, так и говорящего). Также связи людей друг с другом могут быть как объективно, так и субъективно нерасторжимыми.

К **отторжимым объектам** принадлежности относятся такие предметные, одушевлённые и абстрактные сущности, которые не предполагаются языковым менталитетом обязательными или весьма вероятными для человека вообще. Среди них: 1) объекты «окказиональной неотторжимости», которые оцениваются как возможные объекты обладания для данного посессора (человека), т.е. хотя и в слабой степени, но связаны с ним парадигматически, и которые в силу этого в ряде ситуаций могут восприниматься как неотторжимые; 2) «собственно отторжимые» объекты, парадигматическая связь которых с посессором данного типа отсутствует в картине мира; они могут вступать с данным посессором в отношения «окказиональной» принадлежности ему по функции.

К **объектам «окказиональной неотторжимости»** относятся следующие.

1. Конкретные неодушевлённые объекты: конкретные предметы одежды и личного обихода, предметы собственности, конкретный локус обитания (изба, квартира) и локус деятельности (учреждение, завод), орудия деятельности (машины, инструменты), предметы, являющиеся результатами деятельности.

2. Люди, связанные с посессором по функции (сотрудники, подчинённые, учителя, врачи), при этом наименования таких объектов при изолированном употреблении могут не иметь сему отношения и приобретать её только в сочетании с посессором (ср.: *В собрании приняли участие учителя; Петин учитель*).

3. Абстрактные сущности, соответствующие неотторжимым константам: физическим состояниям (сон, голод); психическим состояниям (грусть, наслаждение); социальным «переменным» (должность, власть); действиям, выполняемым посессором; событиям, в которых он участвует; результатам интеллектуальной деятельности и др.

Отношение посессора и окказионально неотторжимых объектов может быть двух типов: отношения собственно принадлежности и отношения принадлежности по функции. При этом некоторые объекты могут входить в те и другие отношения, например, предмет одежды может рассматриваться и как предмет собственности, и как предмет, используемый по функции.

К **«собственно отторжимым»** объектам, т.е. способным спорадически исполнять роль объектов посессивности, могут быть отнесены следующие.

1. Любые конкретные предметы, связанные с посессором функционально (как предметы временного пользования).

2. Лица, имена которых не имеют сему отношения, в частности лица, названные по своей профессии, национальной принадлежности, имени и т.п.: *свой брат-жулик*; лица или животные, о которых идёт речь в тексте по отношению к автору текста: *Тут я понял, что Сергей мой обиделся*; лица, обозначенные именем деятеля и совершающие некоторую акцию по отношению к посессору: *его преследователь*. Объектом отторжимой принадлежности может быть также социум, к которому относится посессор: *Володин коллектив*.

3. Абстрактные сущности, функциональная связь с которыми данного посессора может быть определена только из предтекста, а также имена действия, пациенсом которых является посессор: *арест преступника*.

Структуры посессивных отношений **неодушевлённого посессора** (предметного или абстрактного) представляют собой в той или иной степени «редуцированное» отражение структуры посессивных отношений одушевленного посессора, однако им свойственны также и специфические черты, связанные с особенностями предметных и абстрактных сущностей.

Неотторжимыми объектами **посессора-предмета** являются следующие.

1. Его части. Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые части неодушевлённых предметов названы по аналогии с частями человеческого тела: *ножка стола, носик чайника, горный хребет*. Это объясняется тем, что человек осваивал и создавал мир «по своему образу и подобию».

2. Некоторые абстрактные сущности, в первую очередь константы, которые характеризуют предмет с точки зрения его физических свойств: размеров, веса, цвета и т.п.: *платье модного фасона*.

Те признаки и действия, по отношению к которым предметный посессор может являться как производителем, так и объектом, являются отторжимыми: *взятие Очакова, восход солнца*.

3. Лица, обозначенные именем деятеля, т.е. именем семантики отношения, отражающей характер функции одушевлённого «объекта посессивности» по отношению к неодушевлённому посессору: *жители дома, автор книги*. Эти отношения можно определить как «обладание обладателем», они характеризуются обратимостью: *жители дома* → *дом жителей*, при этом сами словосочетания подобного типа тавтологичны, т.к. отношение, заключенное в семантике имени лица, содержится и в семантической структуре конструкции.

Степень отторжимости в подобных случаях может быть различной. Отношения абсолютной неотторжимости возможны только, если предмет-посессор является частью тела лица (объекта посессивности): *обладатели голов*. В остальных случаях можно говорить лишь об относительной неотторжимости данного объекта-лица для неодушевлённого посессора: *У этой машины есть хозяин*, а также об отторжимости: *У этой книги есть читатели*.

В качестве **абстрактного посессора** могут выступать различные абстрактные сущности: действия и состояния одушевлённого субъекта, результаты его интеллектуальной деятельности, природные феномены, различные свойства предметов и явлений и т.п.

Неотторжимыми объектами принадлежности абстрактных посессоров могут являться следующие.

1. Наименования «частей целого» (часть, начало, конец, границы, пределы, размеры, уровень, вид, образ, форма и т.п.): *конец войны, строение микромира, уровень знаний*.

2. Константы, характеризующие абстрактный посессор как нечто нематериальное (значение, цель, польза, основа, тема, проблематика, повод, мотив, результат и т.п.): *сущность эволюции, цель жизни, нормы этики*.

К отторжимым объектам принадлежности абстрактного посессора могут быть отнесены следующие абстрактные сущности: признак (*гуманность идеи, правота общего дела*); действие, в котором посессор может быть: а) агенсом (*переселение души*); б) пациенсом (*исполнение намерений*); лицо, функционально связанное с абстрактным посессором (*автор идеи, виновник торжества, свидетель происшествия*).

Неотторжимость нередко квалифицируется как категория «имплицитная». Так, в русском и английском языках специальных грамматических показателей неотторжимости нет. Однако во многих языках (североамериканские, меланезийские, тунгусо-маньчжурские, западно-кавказские и др.) значения отторжимой/неотторжимой принадлежности имеют дифференцированное языковое выражение. К примеру, языки Меланезии представляют классический случай выражения противопоставления отторжимой и неотторжимой принадлежности в сфере именных конструкций. В языке фиджи различаются формы для значений 'моя нога' (*na yava-ngu*) и 'мой топор' (*na no-ngu matau*) [2, с. 219]; ср. также в мота: *tama-k* 'мой отец', *no-k o vetal* 'мой банан' [1, с. 16-17].

В русском языке различия между отторжимой и неотторжимой принадлежностью хотя и не носят систематического характера, но все же проявляются на грамматическом уровне. Так, названия частей тела при употреблении в комитативном словосочетании с предлогом *с* требуют либо определения (ср. *девушка с ногами – *девушка с длинными ногами*), либо переносной интерпретации (ср. *человек с головой*, допустимое только в значении 'умный').

Обратим внимание на то, что в русском языке отторжимые и неотторжимые части проявляют себя по-разному в паре атрибутивных словосочетаний: генитивном и сочетании с предлогом *от*. Генитивное словосочетание выражает партитивное отношение (один из вариантов посессивного), ср.: *спица колеса*. Словосочетание с предлогом *от* выражает ситуацию, где нарушена связь части и целого, ср.: *спица от колеса*. Отметим, что ряд лексем, обозначающих части целого, как *спица*, допускают оба словосочетания, а другие – лишь генитивное, ср. *верхушка айсберга* – **верхушка от айсберга*. Последние являются абсолютно неотторжимыми. Также существуют лексемы, которые, напротив, допускают словосочетание с предлогом *от* и не допускают генитивное: *коробка от туфель* – *коробка туфель. Связь данных объектов является более слабой, чем связь части и целого, хотя они тоже не независимы; такого рода отношения предлагается называть отношениями дополнительности [6, с. 44].

Итак, с точки зрения парадигматической связанности можно выделить следующие основные типы объектов принадлежности: абсолютно неотторжимые, относительно неотторжимые, объекты «окказиональной неотторжимости» и собственно отторжимые объекты. Анализ отношений посессоров и объектов посессивности с точки зрения категории неотторжимости, а также изучение специфики проявлений данной категории на грамматическом уровне в разных языках позволяет более полно представить языковую картину мира носителей языка, поскольку грамматические явления отражают особенности связей, существующих как во внеязыковой действительности, так и в человеческом мышлении.

Список источников

1. Жури́нская М. А. Именные посессивные конструкции в меланезийских языках // О языках, фольклоре и литературе Океании / ред. А. Петриковская. М.: Наука, 1978. С. 16-38.
2. Жури́нская М. А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания в языке / отв. ред. В. Н. Ярцева. М.: Наука, 1977. С. 194-258.
3. Жури́нская М. А. О выражении значения неотторжимости в русском языке // Семантическое и формальное варьирование / под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Наука, 1979. С. 295-347.
4. Категория посессивности в славянских и балканских языках / отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Наука, 1989. 262 с.
5. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 12.07.2017).
6. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
7. Сушкова И. М. Типы посессивного отношения, выражаемые предложениями со значением принадлежности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7 (61): в 3-х ч. Ч. 3. С. 156-159.
8. Bally Ch. L'expression des idées de sphère personnelle et de solidarité dans les langues indo-européennes // Festschrift Louis Gauchat. Aarau: Sauerländer, 1926. P. 68-78.
9. Sapir E. Totality // Language Monographs (Suppl. to "Language"). 1930. № 6. P. 13-51.

THE IMPORTANCE OF REJECTABLE/IMPREScriptible BELONGING AS A SEMANTIC OPPOSITION IN POSSESSIVENESS SPHERE

Sushkova Irina Mikhailovna, Ph. D. in Philology
Voronezh State University
abyrvalgon@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the notion of imprescriptible belonging as a universal category, expressed in the system of semantic oppositions inherent in the relations of the possessor and the object of possessiveness. The degree of the imprescriptible nature of the most frequent combinations of possessors and objects of possessiveness, singled out by the attributes of animacy/thingness, concreteness/abstractness, is analyzed. The main types of the objects of belonging are identified from the point of view of their paradigmatic connection with the possessor. The issue of the linguistic expression differentiation of the category of imprescriptible nature in different languages is touched upon.

Key words and phrases: possessiveness; imprescriptible belonging; possessor; object of possessiveness; partial whole; personal sphere.